

A portrait of a man with short brown hair and a light beard, looking slightly to the left. He is wearing a dark blue suit jacket over a light blue shirt and a patterned tie. The background is dark and out of focus.

Василий Ралько

Игра в жизнь

Часть 2

Василий Ралько

**Игра в жизнь. Часть 2:
Играть, чтобы выигрывать**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ралько В. В.

Игра в жизнь. Часть 2: Играть, чтобы выигрывать /
В. В. Ралько — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это книга о взрослении. Больше всего на свете герой книги Константин не хотел взрослеть, терять себя, свою индивидуальность и становиться таким же как все остальные. Но вскоре его жизнь круто изменится. Он откроет для себя странную и манящую философию жизни как игры и с этого момента его жизнь уже никогда не будет прежней. Он начнет играть с окружающим миром, узнает о том, что такое настоящая дружба и любовь, пройдет через приключения, успехи и неудачи, и даже поставит на кон свою жизнь. К чему это его приведет? Он сам этого не знает, но остановиться на пути игры уже невозможно.

© Ралько В. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

1. Путешествие	5
2. Армия и психушка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

1. Путешествие

*Опасное это дело, Фродо, выходить за порог:
стоит ступить на дорогу и, если дашь волю ногам,
неизвестно куда тебя занесет.*

**Бильбо Беггинс. Из фильма
«Властелин колец: Братство Кольца»**

Настоящее путешествие происходит одновременно не только во внешней среде, но и внутри самого человека. Этим оно и отличается от туристической поездки. Турист путешествует только вовне: он едет в новое место, живет в гостинице, ездит на экскурсии, ест в новых ресторанах, отдыхает и развлекается. Турист меняет на время только внешнюю сторону своей жизни и платит деньги специально для того, чтобы не менять ничего внутри себя, не выходить за рамки зоны комфорта.

Настоящий путешественник – это тот, кто пускает путешествие внутрь себя, позволяет себя преобразить, открывается новому, неизведанному, некомфортному. В тот момент, когда настоящий путешественник выходит за порог, большая часть его жизни перестает что-либо значить. В путешествии не имеют большого веса образование, должности, бывшие заслуги и достижения, сложившаяся репутация, налаженные связи и отношения. Имеет значение только то, что реально можно взять с собой в путешествие, унести в своей голове и в своем рюкзаке. Человек, выходящий на дорогу, подобно змее скидывает «старую кожу», все те наслоения, которыми он обзавелся за годы жизни в обществе. В путешествии он может увидеть, что останется от него, если отбросить всё привычное, понять, кто он на самом деле и что он несет в своём внутреннем рюкзаке.

Раньше я никогда не любил покидать Москву. Для меня любые поездки носили исключительно туристический смысл. В детстве я ездил к бабушке, потом мы с мамой регулярно ездили на море. Если честно, то я совершенно не понимал смысла таких поездок. Если главное в этом туризме – отдых и получение удовольствия, то я никогда не любил отрываться от компьютера; ведь именно за ним, погруженный в мир компьютерных игр, я отдыхал и получал максимальное удовольствие. Поэтому для меня любые поездки были скорее уступками по отношению к желаниям матери. Я не любил долгие перелеты и автобусные переезды, мне не по душе была жизнь в гостиницах, я скучал на большинстве экскурсий. Конечно, купание в море, парки аттракционов и вкусная еда в ресторанах мне нравились, но если бы у меня был выбор, то я в любом случае предпочел бы остаться дома и провести время за компьютером.

Первым настоящим путешествием в моей жизни был «поход через Москву», который я предпринял в тот же день, когда осознал жизнь как игру, а себя – как игрока. Со стороны такая прогулка может не показаться настоящим путешествием, но для меня это было именно оно. Я всегда сидел дома и редко выбирался за пределы своего района. Тот факт, что я один отправился пешком через весь город ночью, не имея точной цели и направления движения, был чем-то выходящим из ряда вон. Предпринятый поход выходил за рамки зоны комфорта; он заставил задуматься о себе, своём прошлом, о том, кем я стал к семнадцати годам. Это было первое настоящее путешествие.

Впоследствии вместе с моим другом Славой мы нередко предпринимали подобные мини-путешествия. Мы выходили из дома утром, ставили какую-то произвольную цель, куда хотели добраться, и шли. Важно было, чтобы цель была далёкой и интересной. Например, один раз мы отправились на поиски заброшенного советского бункера, о котором я узнал от

учителя по ОБЖ. Но цель не была главным в таких путешествиях или, как их называл Слава, фланированиях. Она просто задавала некий маршрут. Основные приключения, ради которых мы и фланировали, случались по дороге к цели самым неожиданным образом: мы знакомились с новыми людьми, уговаривали кого-то присоединиться к нашему маршруту, вступали в конфликты, нарушали правила и просто импровизировали, придумывая приключения на ходу. В итоге каждое подобное фланирование, независимо от того, достигали мы заранее поставленной цели или нет, получалось интересным, насыщенным и хотя бы немного обогащающим нас опытом.

Мама была в настоящем шоке, узнав, что я отказался поступать в театральный. Она паниковала, пыталась убедить меня изменить своё решение; задавала мне вопросы о том, где я буду учиться, куда пойду работать и как буду решать проблему с армией. Я не знал ответов на все эти вопросы, но мне они казались совершенно не важными. У меня было ощущение, что я наконец-то нашел себя, осознал, что самое важное в жизни – быть собой. А все эти социальные ролевые игры из серии «кем быть/где работать и т.д.» казались мне настолько бессмысленными, что мне было просто лень о них думать. Я пытался успокоить маму, обнимал ее, целовал в лоб и уверенно-благостным голосом говорил:

– Мама, беспокоиться не о чем. Всё будет в порядке. Я люблю тебя, люблю себя, люблю жизнь. Я просто всей душой ощущаю, что со мной не может случиться ничего плохого. Не переживай, я всё устрою.

Но она продолжала переживать, советоваться с подругами, искать другие варианты того, куда меня пристроить. А я тем временем думал об одном – как провести лето. У меня было четкое ощущение, что этим летом должно случиться что-то особенное, по-настоящему чудесное – какой-то самый важный и сильный момент в моей игре.

Однажды вечером мы встретились со Славой. В Москве был июнь, стояла невозможная жара, от которой не спасал ни один кондиционер. Мы сидели в кафе на бульваре. Слава пил холодное пиво, а я – ледяной молочный коктейль. Мы думали о том, как провести лето. Слава отказался поступать в медицинский – просто не пришел на экзамены. Это спровоцировало сильнейший конфликт с матерью, после которого она заявила, что на сына у неё больше нет никакой надежды, что она не хочет его больше видеть и что с этого дня он может жить так, как он хочет, но ни копейки от неё больше не получит. Так что мы сидели, ощущая абсолютную свободу, посреди жаркой Москвы и думали о лете.

Наше большое путешествие началось с простого – желания укрыться от жары, освежиться и искупаться. Мы начали думать, где можно поплавать в прохладной и чистой воде при минимальном количестве людей. Ни один из вариантов в Москве не соответствовал этим критериям. И тогда Слава вспомнил, что в детстве они группой ездили отдыхать на Байкал, стояли там палаточным лагерем. Именно в этом озере была самая прохладная и чистая вода, какую он только видел в своей жизни. Воспоминание тут же стало превращаться в идею путешествия: «А почему бы нам не собраться и не поехать на Байкал?» Эта идея казалась безумной, вызвала кучу вопросов. Байкал находился в шести тысячах километров от Москвы. Нам обоим совсем недавно исполнилось 18 лет, и мы ни разу не были в самостоятельных, без взрослых, путешествиях на большие расстояния. У нас не было денег на дорогу и проживание. Но идея не отпускала нас обоих и, несмотря на множество возникающих вопросов и потенциальных проблем, мы стали думать над её реализацией. Слава сказал, что добраться туда можно будет автостопом – так сэконоим деньги на дорогу. Жить можно будет в палатках, которые до сих пор хранились у него в старом гараже, – экономия денег на проживание. А по поводу еды мы решили, что всегда можно будет временно подработать по дороге, – вот и средства на пропитание.

Естественно, я решил предупредить об этом маму. Если нужно соврать, самый верный способ – сказать часть правды. Я сказал ей, что мы решили поехать на Байкал, однако не упомянул про автостоп и жизнь в палатках. Эта новость оказалась для нее ещё одним ударом:

– То есть, ты не планируешь вообще никуда поступать? Ты решил развлекаться, пока не заберут в армию?

– Мама, не переживай, у меня всё будет хорошо. Я сейчас отправлюсь в путешествие, потом вернусь и спокойно решу, что делать и куда поступать.

– Не знаю, значит ли что-нибудь для тебя моё мнение, но я против этой поездки. Вот поступил бы в театральный и отдыхал бы остаток лета, ездил бы куда угодно. Я бы сама дала тебе денег и на любой курорт отправила. Чего ты не поступил?!

– Мама, у нас уже был этот разговор. Видимо, по данному факту мы друг друга не понимаем. Я всё равно поеду, просто хотел, чтобы ты знала и не волновалась.

Мама была в отчаянии. Она совершенно не понимала, что делать со мной, не была готова столкнуться с тем, что её единственный сын становится совершенно не управляемым. Конечно, я не хотел, чтобы она страдала, хотел передать ей свои спокойствие, уверенность и радость, но я не готов был ради этого ограничивать собственную свободу.

На следующий день в семь часов утра мы со Славой, экипированные двумя огромными рюкзаками, в которых лежали палатки, спальные мешки, одежда, запас еды и всего необходимого в путешествии, встретились во дворе. У меня с собой были все мои карманные деньги, которые я получал на дни рождения и прочие праздники и которые до этого бережно собирал много лет.

Мы доехали на метро до шоссе Энтузиастов и, поймав первую грузовую фуру, отправились в путь.

Если можно найти какое-то одно слово, характеризующее предпринятую поездку автостопом по стране, то это слово – СВОБОДА. Никогда в жизни я не чувствовал себя настолько свободным! В путешествии не было ничего, что традиционно формировало и одновременно ограничивало жизнь: школы, дома, мамы и т.д. Да, у нас была цель – добраться до Байкала, но мы совершенно не обязаны были попасть туда в какое-то определенное время. Иногда мы ускорялись и ехали днем и ночью, сменяя дальнбойщиков, чтобы быстрее добраться до следующего города. В других случаях мы проводили в каких-то местах по несколько дней, разбив лагерь рядом с рекой или озером. Если в течение нескольких часов нам не удавалось поймать машину, мы не отчаивались и просто становились лагерем в ближайшем лесу, разжигали костер, ужинали тем, что в то время ещё оставалось в рюкзаках, а вечером гуляли по опушке и там, лёжа на траве, смотрели на звездное небо.

Практически всю поездку я пребывал в чувствительно-восторженном состоянии. Мне казалось, что я нашел какой-то смысл бытия. Я не мог описать, в чём он заключался, кроме, пожалуй, фразы: «Надо быть собой», – и постоянно ощущал какую-то небывалую гармонию с окружающим миром. Я был рад любому повороту судьбы. Если машина не ловилась, то я мог просто идти вдоль дороги и петь песни. Если заканчивалась еда, то я представлял себя паломником, который идёт по пустыне и голодом испытывает крепость своей веры. Всё происходящее казалось мне чудесным приключением.

Слава был гораздо активнее, ему хотелось настоящих приключений. Если я просто кайфовал от всего, что происходило, улавливая в этом тайные знаки судьбы, то Слава хотел играть по-крупному. В один из дней путешествия у нас закончилась еда. Мы стояли тогда лагерем возле небольшой деревни. В Славину голову пришла мысль, от которой он не хотел отказываться:

– Я предлагаю украсть курицу вон из того дома!

– Зачем нам воровать курицу? – недоумевал я. – У нас же ещё остались деньги в запасе. Давай просто что-нибудь купим в магазинчике, который мы видели.

– Купить может каждый идиот, а вот украсть – это дело тонкое. Ты когда-нибудь кур воровал?

– Что?! Никогда. Зачем мне такой х*рнёй заниматься?

– Вот. И я никогда кур не воровал. А это же так интересно! Представь, бежишь ты с курицей подмышкой, за тобой гонится вся деревня с вилами. Прямо как в фильме «Золотой теленок». Мне кажется, это нереально круто – попробовать себя в роли курокрада!

Я не видел никакого смысла в краже курицы и пытался разубедить Славу, но тот был непреклонен. Он убеждал меня, что здесь самое главное – процесс, а не результат. Говорил, что это будет веселое приключение и хорошая байка. Я спорил, мне не хотелось портить людям жизнь, воруя у них курицу без всякой причины. Но, в конце концов, я поддался на Славины уговоры, решив, что это действительно будет веселый опыт и приключение.

Мы дождались вечера и провернули операцию «Побег из курятника», которую до этого проработали в деталях. Дом с участком, который мы выбрали, располагался на краю деревни. За ним начиналось небольшое поле и лес. Следуя нашему плану, Слава перепрыгнул через забор с боковой стороны дома, где никого не было видно, схватил курицу и побежал с ней к заднему забору. Там уже стоял я. Подбегая к забору, он перебросил курицу мне. При перелёте через забор курица начала усиленно кудахтать и махать крыльями, пытаясь улететь. Я поймал её, получив крылом по носу, и, следуя нашему плану, побежал в сторону леса. Я бежал, охваченный страхом, ощущая, как за мной гонится толпа бородатых мужиков с факелами и вилами. Видимо, со стороны это смотрелось очень потешно. Вскоре меня нагнал Слава, и мы, петляя по лесу, добрались до нашего лагеря. Оказалось, что нашу выходку так никто и не заметил; по крайней мере, никакой реакции в деревне она не вызвала: никаких толп озлобленных крестьян. Тишина.

Как только чувство страха прошло, нас со Славой охватила эйфория. Мы забросили недовольную курицу в палатку и несколько минут радостно скакали вокруг лагеря. Ощущение было такое, как будто бы мы тайно пробрались в Лувр, прошли все системы безопасности, выкрали «Мону Лизу» и незаметно от охраны скрылись. Мы чувствовали себя победителями. Но когда ликование закончилось, перед нами встал практический вопрос: «Что делать с курицей?». Очевидно, её нужно было каким-то образом убить, ощипать перья и приготовить. Но ни Слава, ни я никогда ничего подобного не делали. Для нас – городских подростков – слово «курица» означало лежащую на полке магазина белую тушку. У нас было только два предмета, подходящих для убийства курицы – швейцарский нож и небольшой походный топорик. Мы со Славой посмотрели друг на друга. Ни у кого из нас не было энтузиазма убивать эту несчастную курицу. В итоге, посоветовавшись, мы не смогли придумать ничего другого, кроме как вернуть её обратно.

Уже стемнело, мы несли курицу в деревню и рассуждали о жизни. Я что-то вещал на тему того, что главное в жизни – процесс, а не результат. Самое классное мы получили – удовольствие от процесса воровства курицы, а результат как таковой нам и не был нужен. Слава соглашался со мной, он вообще не очень любил спорить. С трудом в темноте мы отыскивали нужный дом с участком. В доме горело одно окно, был слышен шум работающего телевизора. Слава перелез через забор, я вручил ему курицу, и он опустил её на землю. Я ждал, что Слава сразу же вернется обратно, но он крадущейся походкой прошел вглубь участка и вскоре вернулся с несколькими только что сорванными огурцами и яблоками. В итоге ужин у нас получился исключительно вегетарианский.

В дороге я смог вдоволь насладиться театральной игрой. Каждому новому водителю дальнобойщику мы представлялись новыми именами и рассказывали очередной вариант собственной биографии. В одной истории мы были русскими беженцами с Северного Кавказа, чьи дома сожгла местная национальная элита. В следующий раз мы рассказывали историю о том, что вместе с родителями много лет назад эмигрировали в Лондон, где была сытая

и богатая буржуазная жизнь, но нас потянуло на историческую родину – мы тайно сбежали и решили проехать всю Россию. Ещё мы были в федеральном розыске по делу о мошенничестве, ехали на археологические раскопки, хотели посетить известное магическое место силы «Улум-Кхан» и так далее. Мы придумывали эти истории, пока ловили машины, распределяли роли и потом разыгрывали спектакль. Через неделю путешествия мы настолько сыгрались, что начали импровизировать и сочинять истории на ходу, подстраиваясь друг под друга. Поразительно, но в ста процентах случаев нам полностью доверяли. Дальнбойщики с интересом расспрашивали и про Лондон, и про археологию; предлагали тихие места, где можно было спрятаться от федерального розыска. В общем, какие бы бредовые рассказы мы ни сочиняли, никто ни разу не заподозрил нас во лжи. Для них было понятным, если люди вралли для того, чтобы создать впечатление, втереться в доверие и украсть деньги; но того, что кто-то может врать просто так, ради развлечения, они даже не предполагали.

В одном небольшом провинциальном городке мы познакомились с двумя девушками лет двадцати пяти. Слава рассказал им выдуманную на ходу историю о том, что мы обладаем каким-то уникальным набором генов, благодаря чему несколько лет работали в элитной клинике для очень богатых клиенток в качестве доноров спермы. Он с гордостью констатировал, что у нас на двоих уже 68 детей. Девушки не просто поверили в это, они пригласили нас остановиться у себя и предложили деньги за то, чтобы мы с ними переспали. Меня сильно удивила такая постановка вопроса, ведь девушки были достаточно симпатичные. Но они рассказали, что в городе настоящих мужиков практически нет – остались только алкоголики, наркоманы или уголовники. Обе уже побывали замужем и быстро развелись, разочаровавшись в своих мужьях. Детей у них не было, но они очень хотели их завести. Достойных отцов найти не могли, поэтому мы с нашим «идеальным генофондом» оказались очень кстати. Странно, но для этих девушек мы казались исключительно интересными людьми. Они рассказывали, что в их городке мужчины – это в основном угрюмые и не очень умные люди, которые проводят время за пивом и телевизором и с трудом могут связать два слова. А мы со Славой, несмотря на наш маленький жизненный опыт и достаточно скромную эрудицию, показались им настоящей элитой общества. Ни мне, ни Славе не захотелось выступать в роли жиголо, поэтому от денег мы отказались, а от девушек – нет. Мы провели чудесную ночь. В ней было прекрасно абсолютно всё. Каждый из нас понимал, что эта встреча кратковременна и закончится утром. Ни мы, ни девушки ничего не ожидали от этой связи и просто наслаждались друг другом и необычностью момента. Девушки были существенно старше тех, с кем я был до этого. И это мне понравилось. В них не было комплексов, страхов, неуверенности, каких-то невысказанных ожиданий. Они просто жили и хотели наслаждаться жизнью. Так же, как и мы со Славой. Уезжая из этого города, мы, одновременно смущаясь и гордясь, обсуждали, что через некоторое время, возможно, станем отцами, но никогда об этом не узнаем. Я никогда не задумывался о своих детях и о том, что когда-нибудь могу стать отцом. Для меня это было чем-то взрослым, а значит космически далеким от меня. Но в этом путешествии всё было каким-то волшебным, совершенно нереальным и поэтому даже гипотетическое отцовство канонично вписывалось в данное безумное приключение.

Байкал поразил своими масштабами и великолепием. Он практически ничем не отличался от моря, и только сильно присмотревшись, можно было увидеть неясные силуэты гор на противоположном берегу. Мы решили устроить поход вдоль берега озера, останавливаясь на ночевки в палатках. Утром мы просыпались, готовили на костре еду – в основном это была гречка с тушенкой, – собирали лагерь и шли дальше. Если начинался сильный дождь, мы оперативно ставили палатки под деревьями и пережидали дождливый день в лагере. Днем солнце палило нещадно, обжигая нашу бледную кожу, а ледяная вода Байкала манила приятным контрастом, позволяя в любой момент остудиться. У нас не было определенного плана

или маршрута – мы решили просто идти, пока не надоест или не начнут подходить к концу все наши запасы.

Через несколько дней пути мы дошли до переправы на остров Ольхон. За время пребывания в Иркутске от многих слышали рекомендации посетить это место. Внятно никто не мог объяснить, что же там такого интересного, на этом острове Ольхон. Но все говорили о какой-то особой энергетике, красоте и атмосфере. Находясь рядом с переправой, мы все-таки решили посетить загадочный остров с непонятной энергетикой.

Паром приехал быстро, и буквально за десять минут мы переплыли небольшой пролив и оказались на острове. Мы пошли по дороге и к вечеру оказались в населенном пункте под названием Хужир – самом большом поселении на острове, по виду представлявшим собою большую деревню. В местном магазине мы пополнили запасы и заночевали в небольшой бухте в пяти километрах от Хужира.

Действительно, что-то необычное было на этом острове. Всю жизнь я относился к окружающему миру с подозрением, как к недружелюбному и опасному месту. Когда мы ехали автостопом, шли пешком вдоль берега Байкала и ночевали в палатках, я продолжал испытывать ощущение настороженности. Несмотря на то, что ничего критичного не происходило, я постоянно пребывал в состоянии «повышенной боеготовности», ожидая, что в любой момент может случиться что-то хреновое. На Ольхоне это ощущение полностью оставило меня. Нигде в мире я не чувствовал себя так расслабленно и безопасно. Когда мы шли через небольшой сосновый лес и искали место для установки палаток, я поймал себя на мысли, что мне хочется просто лечь под сосной, свернуться клубком и уснуть. Это не было связано с усталостью, я просто ощущал спокойствие и дружелюбие в атмосфере этого острова. Страх и тревога полностью оставили меня.

Утром мы продолжили путешествие, решив полностью обойти этот небольшой остров вдоль побережья. Ольхон оказался просто прекрасен, и мы наслаждались чудесными видами и атмосферой расслабления, царившей на нём. Казалось, что именно в таких местах должны жить мистики, мудрецы или старцы, удалившиеся от цивилизации в поисках истины.

К вечеру следующего дня мы дошли до бухты на краю острова, откуда открывался потрясающий вид на закат. Там мы и решили остановиться. Но, как оказалось, бухта была уже занята: в ней был разбит достаточно большой лагерь, в котором находились порядка тридцати человек. Мы решили поставить палатки поодаль от них. Когда солнце село, в лагере началось какое-то действо. Собравшиеся там люди разожгли огромный костер и устроили пляски с песнями и криками и ударами в бубны. Это показалось любопытным, и мы решили присоединиться. Когда мы подошли поближе, нам открылось очень странное зрелище. Около трех десятков людей – мужчин и женщин самого разного возраста – от восемнадцати и до шестидесяти лет в экстазе прыгали вокруг костра, пели и кричали. Все они были совершенно голыми!

Первая мысль, которая пришла мне в голову: «Черт побери! Видимо, какая-то секта». Но благодаря общей дружелюбной атмосфере острова эта мысль не вызвала ни страха, ни отторжения, только любопытство. Слава быстро почувствовал себя на одной волне с этой странной компанией и, сбросив рубашку и штаны, кинулся в самую гущу танца. Я нерешительно стоял поодаль и смотрел на происходящее, пытаюсь оценить возможные угрозы. В висках пульсировало, а в голове не смолкал голос, повторяющий фразы: «Это какая-то секта; они нас чем-нибудь накачают, а потом ограбят или убьют; это же психи, непонятно чего от них ждать; и т.д.». В какой-то момент в голове пролетели все события путешествия и прошедшего года. И я понял, что танец голышом со странными сектантами на острове в шести тысячах километров от дома очень стройно вписывается в странный калейдоскоп безумных событий, через которые я прошел. Одновременно с этим в голове созрела интересная мысль, которая перекрыла панический поток. Я подумал, что если эта какая-то секта,

они смогут меня загипнотизировать, обмануть или лишить воли, то это значит лишь одно – я слабовольный дебил, который может легко попасть под влияние кого угодно. В таком случае у меня уже серьезная проблема в жизни, и рано или поздно кто-то меня кинет, обманет или загипнотизирует. Но ведь я себе доверяю, я каким-то образом знаю, что найду выход из любой ситуации и останусь самим собой. Эта мысль внушила небывалое спокойствие и уверенность в себе. Я сбросил всю одежду, наплевав на деньги и телефон в кармане, окинул взглядом огромный костер и танцующую вокруг толпу. Слабая тень сомнения на секунду промелькнула в голове, но я, почувствовав ее, улыбнулся, твердо сказал, обращаясь ко всем и ни к кому: «По*уй, потанцуем!» и быстрыми шагами вошел в толпу танцующих нудистов.

Это был один из самых потрясающих опытов в моей жизни! Я не думал ни о чем, просто танцевал, растворяясь в музыке и общей эйфории. В данный момент в жизни не было ничего: только танец, блики огня и мелькающие лица незнакомых людей. Прошлого и будущего не было; я танцевал, вкладывая в танец все силы, всю энергию и всё мое желание жить. Я физически ощущал, что именно в эти минуты живу на пределе, и даже подумал о том, что если я вдруг умру во время танца, то это будет самая лучшая смерть, какую только можно представить. Наверное, это и есть лучшая иллюстрация к философии Славы, провозглашающей, что жизнь даётся один раз, и в каждый момент нужно получать от нее максимальное удовольствие...

Где-то в половине шестого утра мы все вместе поднялись на мыс, чтобы встретить рассвет. И вдруг со Славой что-то произошло. Он не только танцевал, но ел и пил что-то вместе со всей странной компанией, в результате чего пришёл в состояние какого-то безумия. У Славы был отсутствующий взгляд. В какой-то момент он уверенной походкой подошёл к краю мыса со словами, что хочет доплыть до небольшого островка, точнее просто скалы, выступавшего из воды метрах в трехстах от берега. Чувство реальности, а с ним и страх, вернулись ко мне; стало казаться, что игра зашла слишком далеко. Я попытался остановить друга, ведь вода в Байкале даже летом безумно холодная, а состояние Славы вызывало беспокойство. Но он отмахнулся, прыгнул с мыса в воду и поплыл. Слава медленно плыл в сторону островка, не реагируя на мои крики. Я видел, что он неадекватен, и прыгнул за ним в надежде вытащить его на сушу. Вода была не просто холодной, она обжигала. Я продолжал плыть за другом, преодолевая себя и надеясь хоть как-то остановить и вразумить его. Но расстояние между нами не сокращалось. В какой-то момент я почувствовал, что левую ногу начинает сводить судорога. И тут я испытал настоящую панику: вдруг ясно увидел, как мы оба уходим ко дну. Раньше, когда я читал новости об утонувших отдыхающих в реках или на озерах, мне казалось, что это истории про каких-то откровенных идиотов. Как можно утонуть, купаясь в реке?! Но теперь я понял всю ужасную реальность этих историй, представил заголовок газеты о том, как двое москвичей утонули на Байкале. Смерть всегда казалась мне чем-то отстраненным, тем, что случается с другими, но мне самому точно не угрожает. В этот миг я почувствовал, что тоже смертен. Не думая ни о чем, я мгновенно развернулся и с удвоенной скоростью поплыл обратно к берегу. Мне было наплевать на Славу, мне просто хотелось жить.

Замерзший и жутко уставший, с кружащейся от напряжения головой я выбрался на камни, поцарапав руки и ноги. Я был несказанно рад тому, что остался жив. Стабильность твердых камней под ногами возвращала чувство уверенности, и боль от царапин не смущала. Я быстро оглянулся и посмотрел в сторону Славы. Тот уже проплыл половину расстояния до островка. Я представил себе, что друг сейчас тоже протрезвеет, осознает жуткую ситуацию, в которой он оказался, но уже не найдет в себе сил выбраться. Одновременно я понимал, что ничем не могу ему помочь, что на моих глазах сейчас обрывается жизнь друга, а я не могу ничего сделать и вынужден просто смотреть. Я уже рисовал в своем воображении ужасные картинки, как голова Бронислава медленно уходит под воду и больше не появляется. От этой

мысли я покрылся мурашками, ощущая одновременно страх и собственное бессилие. Но тут я увидел, что Слава медленно подплывает к небольшому островку. Надежда тут же зажглась. Я решил, что если он доплывет, то я смогу ему помочь, найти лодку или спасателей и вытащить его оттуда. Я бросился назад к компании нудистов-сектантов, с которыми так и не успел познакомиться. Начал сеять панику: кричать, требовать, чтобы они нашли лодку и помогли мне спасти друга. Почти все присутствующие находились в состоянии какого-то блаженного транса и, казалось, не до конца понимали, что происходит. Но я не останавливался. Я видел, что Слава доплыл до островка и вылез на сушу. Лодок у нудистов не было; кто-то побежал за телефоном, чтобы набрать номер спасателей. Вдруг один из представителей этой компании – мужчина лет сорока пяти с длинной светлой бородой – показал в сторону острова и сказал:

– А твой друг, кажется, решил вернуться сам.

Я посмотрел туда, куда он показал. Действительно, Слава снова прыгнул в воду и поплыл в нашу сторону. Я понял, что все мои усилия по спасению друга оказались тщетными. Вместе с ещё тремя мужчинами мы побежали к берегу, надеясь помочь Славе доплыть. Когда мы оказались возле воды, Слава проплыл уже больше половины пути. Мы стали в суете обсуждать, что делать и как спасти его, когда вдруг услышали странные звуки, доносившиеся со стороны воды. Я сделал жест, приказывая всем замолчать. Мы вслушались, и сквозь плеск небольших волн до нас донёсся громкий, хриловатый голос Славы. Вначале мне показалось, что он кричит и зовёт на помощь, но потом я смог расслышать слова: «... На простор речной волны! Выплывают расписные Стеньки Разина челны!» Мои спутники тоже расслышали эти слова и дружно, как по команде, закрыли лица руками и заржали, приговаривая что-то вроде: «Боже мой, вот балбес!» Но я оставался напряженным. В это время Слава спокойно подплыл к берегу и вышел из воды. Он был красным как рак, казалось, что от его кожи шел пар. Взгляд его расплывался, а на губах была глупейшая улыбка. Он удивленно посмотрел на собравшихся у берега:

– А по какому поводу у вас здесь собрание?

– Ты, идиот! – выкрикнул я. – Ты зачем туда поплыл? Ты же чуть не утонул, мудака! Мы тут все кинулись тебя спасать, а ты песни поешь! Ты чё, совсем охренел?!

– Да ладно тебе, все зае*ись, – пробормотал Слава с невозмутимым выражением лица. – Я же плаванием занимался. Чё ты панику развел?

– Да переживал я за тебя, мудака! Видимо, не надо было. Всё, х*й с тобой, хочешь – топись, хочешь – вешайся. Мне, бл*дь, всё равно. Больше я тебе мешать не буду. Это твой выбор.

Я чувствовал злость и обиду. Он не то, что не оценил моих усилий по спасению, а даже наоборот, посмеялся над ними. Я оказался в этой ситуации трусом, истериком и паникером, а Слава – героем-пох*истом, которому Байкал по колено. Я развернулся и ушел, и до вечера мы не разговаривали.

Люди, с которыми мы танцевали ночью, оказались йогами. Они съехались на Байкал со всей России, были даже два человека из Москвы. В основном они работали в сфере психологии, бизнес-тренингов, консалтингов и тому подобного. Каждый год в разных местах они устраивали подобные съезды, где занимались йогой, разными психологическими, эзотерическими, тантрическими и прочими практиками. Йоги предложили и нам присоединиться к ним. Я был так раздражен тем, что произошло утром, что отказался от их предложения и достаточно грубо отозвался об их мистицизме-эзотеризме как о ненаучном и примитивном подходе к миру. Слава оказался более гибким и активно влился в их компанию, приняв участие во всех ритуалах.

В какой-то момент ко мне подошел бородатый йог и решил меня «просветлить»:

– Ты слишком напряжен, слишком сильно цепляешься за свой ум. Это тебя ограничивает, – начал он разговор мягким и задушевым голосом. – Вот твой друг, он очень открытый

всему новому, находится в гармонии с природой. Поэтому природа добра к нему, не причиняет ему страданий. Я утром ни секунды не сомневался в том, что с ним всё будет хорошо.

– А я сомневался. Потому что он был пьяный и вообще не соображал, что делает. Это не признак открытого ума, это признак его отсутствия, – ответил я раздраженно.

– Ты очень точно сказал: «Отсутствие ума». Это самое важное – научиться отключать свой ум, освобождаться от мыслей. Они тебя путают, ограничивают, не дают соприкоснуться с красотой мира и твоей собственной красотой, – мягкий голос йога завораживал словно патока.

– Мне мой ум дорог как память, – грубо отрезал я. – Если Вам ум мешает, то Вы, наверное, просто не умеете им пользоваться. Ум – это то, что отличает нас от животных, и я не собираюсь впадать в добровольное сумасшествие.

– Это не сумасшествие, – все так же благодушно возразил йог. – Это просветление...

Наш разговор шел по замкнутому кругу. Йог говорил о гармонии, просветлении, отключении ума, медитации. А я настаивал на том, что это дикость и деградация, скатывание назад к животному состоянию. Йог цитировал Будду, Кришну и кого-то ещё, о ком я никогда не слышал. А я парировал тем, что всё это противоречит современной науке (в которой я сам плохо разбирался) и здравому смыслу. Эрудиция йога, запас знаний, мягкий голос и невозмутимость всё больше раздражали, загоняя в тупик. В итоге я не сдержался и перешел на личности:

– Что-то мне слабо верится в то, что Вы – полуголый и бородатый инструктор по йоге из провинции, владеете какими-то высшими знаниями. Как говорится, если ты такой умный, то почему не богатый?

– Богатство может быть не только материальным, но и духовным. Отказаться от материальных благ, чтобы преуспеть в духовности, когда это твой осознанный выбор, – вот высшая ценность в жизни.

На этом наш разговор окончательно зашел в тупик и закончился. Я вернулся обратно в палатку и лег спать. Через некоторое время в палатку заглянула какая-то девушка из компании йогов и сказала:

– Там твой друг. Он, кажется, выпил лишнего, упал куда-то в кусты и не встает. Не хочешь ему помочь?

– Мне пох*й, – ответил я раздраженно и прибавил, – это его осознанный выбор.

Девушка подождала несколько секунд, видимо надеясь, что я передумаю, но потом закрыла палатку и ушла. Слава пришел посреди ночи и завалился спать со словами:

– Бл*дь, они там все извращенцы! Надо лучше закрыть палатку.

Я сделал вид, что не услышал, и продолжил спать. Утром лёд в наших отношениях всё-таки растаял. Слава извинился за то, что так резко бросился в воду и поплыл на дурацкий остров. Я извинился за то, что поднял панику. После этого Слава рассказал, что происходило в лагере йогов после того, как я ушел. Он действительно напился и уснул где-то в кустах. Однако проснулся в какой-то палатке. Он был совершенно голым и почувствовал, что его тело гладят чьи-то теплые руки. В принципе ощущение было приятным, но когда он почувствовал прикосновение сзади к шее колючей бороды и услышал мягкий мужской голос, шепчущий ему на ухо что-то вроде: «Мой милый», – Слава тут же резко двинул локтем назад, вскочил и, разорвав вход в палатку, выпрыгнул наружу. Он не знал, где его одежда, не хотел ее искать, и бросился в сторону наших палаток. Оказалось, что это был тот же самый йог, который вещал мне по поводу просветления и расширения сознания. После этого мне стало ясно, что именно он имел в виду, когда рассказывал про духовные ценности и просветление. Я пересказал Славе наш диалог, и мы от души поржали над тайными смыслами слов йога-извращенца.

Потом мы двинулись в обратный путь, стараясь никак не взаимодействовать с этой странной компанией развратных йогов-нудистов. Однако всю обратную дорогу, я подкалывал Славу, периодически обращаясь к нему со словами: «Мой милый, как твоё настроение?» или «Зайка, сколько километров нам осталось?» В эти моменты Славу прямо физически передергивало от воспоминаний, а я смеялся от души.

Обратно до Москвы мы решили добраться на электричках, пересеживаясь с одной на другую. Естественно, ехать мы решили зайцами. В пути мы продолжили прикалываться, но в этот раз всё закончилось не очень хорошо. Мы ехали в полном вагоне, и вокруг нас сидели тетюшки лет пятидесяти-шестидесяти. Они (видимо подчиняясь материнскому инстинкту) начали угощать нас пирожками и прочей снедью, которая была у них с собой. Мы с удовольствием угощались, потому что не ели уже почти целый день, а деньги подходили к концу. После этого тетюшки принялись расспрашивать нас о том, кто мы и откуда. Слава начал на ходу сочинять историю (по мотивам нашего приключения на острое Ольхон) о том, что мы состоим в «Братстве света», глава которого – некто Олег Иванович. Я подключился к его импровизации и, подражая мягкому голосу бородатого йога, стал произносить тексты про просветление, отключение ума и так далее. Бедные тетюшки смотрели на нас с ужасом. Мы еще специально нагнали на себя блаженный вид, чтобы они окончательно убедились в том, что мы зомбированные сектанты. И они убедились. Начали спорить с нами, объяснять, что нас обманывают, что мы в секте, что главе секты нужны только наши деньги. Мы же продолжали гнуть свою линию, выдавая периодически такие фразы:

– Олег Иванович говорит о том, что деньги – это зло, они развращают людей. Поэтому мы должны отказаться от любого имущества, пожертвовать его братству.

– Весь мир сошел с ума, и только Олег Иванович видит истину и открывает её нам.

– Мы открыли свой разум, и на нас снизошла благодать. Теперь мы живем по законам Олега Ивановича.

Мы еле сдерживались, чтобы не засмеяться, пока тетюшки с пеной у рта пытались нас отговорить и спасти. Поняли, что шутка зашла слишком далеко в тот момент, когда в вагон вошли контролеры вместе с милиционером. Обычно в таких ситуациях, видя контролеров, мы быстро выбегали из вагона и перебегали в один из предыдущих, в котором уже прошла проверка билетов. В этот раз мы заболтались и не заметили приближавшуюся опасность. Когда увидели милиционера, то быстро вскочили, взяли рюкзаки и были готовы бежать. Но не оценили мощь паникующих тетюшек. Они вцепились руками в нашу одежду и рюкзаки и стали наперебой звать милицию. Мы пытались вырваться, но не смогли.

Подошедший милиционер со скучающим лицом долго выслушивал страшные истории о том, как нас похитила тоталитарная секта, как нас надо спасать и так далее. В итоге он принял решение задержать нас, учитывая то, что у нас не было билетов. Вот так очередной розыгрыш привел нас в отделение милиции на станции «Тулун». Мы старались, как обычно, косить под идиотов, показывать, что с нас нечего взять и проще всего нас отпустить. Мы думали, что в этот раз все закончится как обычно – нас немного подержат, попугают, повымогают деньги, а потом отпустят. Но мы сильно ошиблись.

Старший лейтенант, который нас задержал, долго изучал наши паспорта, удивлялся, что прописка у нас московская. Мы рассказали о том, что путешествуем, что денег у нас мало, что уже возвращаемся домой и так далее. Он поинтересовался, кто у нас родители, где они работают; о том, учимся ли мы в институте. Мы приbedнялись, рассказывали о несчастных родителях-алкоголиках, о том, что нигде мы не учимся, приходится работать – в общем, всё как обычно. Глядя на нас – грязных и небритых, – представитель правоохранительных органов достаточно быстро понял, что получать с нас нечего. Но не отпустил. Мы не знали, что станем жертвами стечения обстоятельств: во-первых, у старшего лейтенанта была норма отлова тех, кто косил от армии; а во-вторых, нам обоим исполнилось по

восемнадцать лет. А когда мы сказали по глупости, что нигде не учимся, он понял, что мы его клиенты.

2. Армия и психушка

Тот, кто играет с огнем, рано или поздно обожжётся.

Марио Варгас Льоса

Дальше события завертелись с необычайной скоростью. Нам казалось, что мы попали в какой-то адский бюрократический конвейер. Поняли, что всё действительно плохо, когда за нами в камеру пришли люди в военной форме и сказали, что забирают нас в местный военный комиссариат. Мы тут же начали объяснять, что у нас есть отсрочка от армии, что мы не косим, что у нас в Москве всё решено. Но человеку из военкомата с квадратной челюстью и лысиной было наплевать. Нас посадили в машину и привезли в военкомат.

Я просто впал в оцепенение и не знал, что делать. Мама тысячу раз пугала меня армией, но я просто не задумывался об этом всерьёз, не верил. Я чувствовал себя игроком в огромной песочнице жизни, и мне казалось, что по-настоящему ничто мне не угрожает. Но тут я стал смутно сознавать, что теряю контроль над ситуацией и совершенно не понимаю, что делать. Я просто впал в ступор и всю дорогу молчал. Слава же, наоборот, сделался весьма словоохотлив. Он пытался разговаривать водителя, расспрашивал его обо всем на свете, о его работе, о семье; видимо, пытался найти какие-то точки, надавить на жалость. Но с этим типом не сработало. Водитель отделялся короткими фразами или просто молчал, ничего не отвечая.

Нас привезли в военкомат – невысокое здание бело-голубого цвета, напоминавшее детский сад, который был в нашем дворе. Мы зашли внутрь, и нас сразу же отправили на медицинский осмотр. Мы даже не успели со Славой обсудить план наших действий, что-нибудь придумать. Я не знал, что не увижу его ещё очень долго.

Медицинский осмотр был чистой формальностью. Мне велели раздеться до трусов и с вещами в руках переходить из одного кабинета в другой. В каждом кабинете сидели врачи разной специальности. Они о чем-то спрашивали меня, проводили какие-то несложные осмотры, делали записи, ставили печати и отправляли меня дальше. Я проходил медосмотр в состоянии полной прострации. У меня отказало воображение, не было никаких мыслей, я просто боялся всех этих людей. Мне хотелось исчезнуть, оказаться дома, вырваться из этого ада. Но я продолжал медленно, как робот, двигаться сквозь череду однообразных комнат под звуки ставящихся печатей.

Когда осмотр был закончен, мне сказали, что никаких отклонений у меня нет и к военной службе я годен. Я даже не стал спорить, мне действительно было нечего сказать. После этого меня проводили в комнату, где ожидали ещё несколько таких же молодых ребят. Все они выглядели потерянными, смотрели в пол и старались не встречаться друг с другом глазами. Это напоминало тюрьму. Я сел на пол в углу. Казалось, что всё это сон, который вот-вот должен закончиться.

Я предполагал, что в этой комнате может оказаться Слава, и мы с ним сможем поговорить и решить, что делать. Но он всё не появлялся. Только на следующий день я узнал, что произошло. В отличие от меня, впавшего в панический шок, Слава сохранил не только силы, но и чувство юмора. Он зашел на прием к врачу, кажется урологу; тот, не глядя на Славу, громко произнес: «Дело на стол!» Слава, то ли, действительно, не понимая, то ли прикалываясь, снял трусы подошел к столу и положил свой член на стол прямо перед урологом. Врач, увидев это зрелище, поднял брови и заорал: «Ты что, идиот?! Карту медицинскую на стол положи, а не х*р свой!» Помимо данного специалиста Слава успел довести ещё нескольких человек, в результате чего его увезли куда-то в другое место.

Через некоторое время я, собравшись с силами, решил, что нельзя бездействовать. Рядом с нашей комнатой дежурил прапорщик – немолодой мужчина с лицом, испещренным морщинами и украшенным рыжими усами. Я стал колотить в дверь и, когда он открыл, обратился к нему:

– Уважаемый! Я требую, чтобы мне вернули мой мобильный телефон. Меня совершенно незаконно задержали и забрали мои вещи. Мне нужно срочно позвонить.

– Всё сказал? – задал прапорщик риторический вопрос, бросив на меня усталый и безразличный взгляд. – Не положено здесь иметь телефон. Так что сядь на место и сиди смирно.

– Подождите! Я имею право сделать звонок. Мне нужно связаться с родными. Может, я адвокату своему хочу позвонить. Не даёте мне мобильный телефон? Тогда дайте мне позвонить с Вашего городского телефона – вон у Вас стоит.

– Говорят же тебе, не положено. Это служебный телефон. Нельзя тебе по нему звонить, – все так же устало и безэмоционально выдал прапорщик. Но я никуда не собирался уходить, и тогда военный повысил голос: – Быстро сел на место! Это приказ!

– Вы мне не приказывайте! Я свободный человек в свободной стране! Вы нарушаете мои права человека и гражданина, Вы нарушаете Конституцию Российской Федерации! Вы знаете, что Вас за это ожидает? Международный трибунал в Гааге! – Я распылялся, вспоминая фразы из школьного курса по обществознанию.

Но на прапорщика все мои восклицания, пафос и угрозы Гаагским трибуналом не произвели ровным счетом никакого впечатления. Он смотрел на меня холодно и безразлично, думая о чем-то своем. После того, как я закончил, прапорщик задумчиво выдохнул:

– Эх, тяжело тебе в армии придется, – а затем добавил: – Ну, ничего, и из тебя мужика сделаем.

После этого я понял, что от этого прапорщика ничего не добьюсь и мне нужно искать кого-то старшего по званию для того, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Но такой возможности не представилось. Вскоре в комнату вошел тот же самый прапорщик и велел всем собраться и проследовать за ним. Нас посадили в автобус, долго везли и в итоге доставили на территорию воинской части, находившейся за городом.

Я не понимал, что происходит и чем всё это закончится. Мне хотелось просто сбежать, и я судорожно высматривал щели в заборе части, но ничего не увидел. И тогда я вспомнил Славу и то, что тот говорил, перед тем как мы украли курицу: «Это будет хороший опыт и веселая байка». Тогда я немного расслабился и решил продолжать играть дальше в сложившихся обстоятельствах. Мне показалось, что в армии, наверное, нет ничего страшного. Здесь точно так же можно жить, играть, развлекаться, бороться с тупой системой. Я подумал о том, что неплохо пройти эту самую военную службу ради нового опыта и веселых баек.

Начался новый опыт с того, что всех нас забрили наголо. Я никогда не сбрасывал волосы на голове и даже не представлял себя лысым. После того, как меня неаккуратно и болезненно обкорнали, я посмотрел на себя в зеркало и не смог узнать. Вроде бы всё на месте, всё то же самое, просто волос нет. Но что-то в моем облике стало радикально другим. Мне показалось, что, сбрав волосы, у меня как будто бы отобрали личность, всё то уникальное и оригинальное, что отличало меня от других. Что я из Константина Стрелецкого превратился в какого-то безликого робота, который только что сошел с конвейера. Я оглянулся вокруг и понял, что теперь все ребята были практически на одно лицо. Нам выдали одинаковую одежду, после чего нас действительно стало сложно отличить друг от друга.

Обритые и одетые в военную форму мы толпой ввалились в казарму, где нас уже ждали сержант и несколько старослужащих, видевших свою «миссию» в том, чтобы как следует воспитать новобранцев. Сержант подошел к нам. Это был крепко сложенный парень среднего роста. На его лице, не обезображенном интеллектом, была недовольная мина. Массивная челюсть выдавалась вперед, а губы постоянно двигались, даже когда он молчал, так, как

будто бы он что-то пережевывал. По виду он был старше меня и остальных ребят всего на пару лет, но по манере поведения и взгляду создавалось впечатление, что ему уже лет сорок. Оглядев новобранцев, он громко произнес:

– Добро пожаловать, с*ка, в часть! Я – сержант Давко. Все услышали? На меня, с*ка, возложена благородная миссия – сделать из вас – выпердышей и уе*ков, нормальных, с*ка, людей! Пока что вы все – духи, а значит по определению – говно. Но даже у такого говна есть шанс стать настоящим воином и защитником отечества. Для этого, вам, бл*дь, нужно слушать и выполнять все мои приказы. Поняли?!

У сержанта был легкий дефект речи. Когда он говорил, его массивная челюсть ходила ходуном, и слюни летели во все стороны, попадая на окружающих. Меня раздражала его глупость и высокомерие, не основанные ни на чем. По лицу и по речи я заключил, что у него в голове не больше двух извилин. И этот кретин будет делать из меня человека?! Да он сам даже не близок к этому!

Когда сержант Давко закончил говорить, он снова оглядел собравшихся, усмехнулся и вдруг, сделав злобешнюю гримасу, громко крикнул:

– А теперь все упали на пол и сделали тридцать отжиманий!

Большинство тут же по команде действительно упали на пол и начали интенсивно отжиматься. Но несколько человек остались стоять, в том числе и я. Мне казалось унижением выполнять бессмысленные приказания какого-то полудурка. Сержант окинул стоящих взглядом, видимо он был готов и к такому неповиновению:

– Что у нас тут? Вы особенные? Вам особый приказ нужен?! – после этого он громко на весь зал прокричал, обращаясь к тем, кто уже начал отжиматься. – Все слушаем меня! Вы будете отжиматься до тех пор, пока эти особенные не сделают по тридцать отжиманий. Скажете им потом спасибо.

Я увидел, как отжимающиеся ребята, с которыми мы ещё несколько минут назад сидели вместе в одной комнате, посмотрели на стоящих глазами, полными злобы. Видимо, так и работает армия – всё строится на ненависти к тем, кто хоть как-то выделяется из толпы. В этот момент один парень из числа стоявших – самый высокий и крепкий – громко сказал, обращаясь к тем, кто начал отжиматься:

– Пацаны, вставайте. Нех*й отжиматься. Ему надо, пусть сам отжимается. Не ведитесь на это!

– Приказы здесь отдаю только я! – громко отчеканил сержант. Он махнул рукой, и тут же несколько ребят из числа старослужащих – друзей сержанта – подбежали к парню. Он встал в защитную стойку (судя по всему, парень имел опыт в единоборствах). Первому подбежавшему он нанес точный удар кулаком в глаз, затем уклонился от удара второго и хотел ударить его коленом, но не вышло. Его просто снесли, задавили количеством, бросили на пол и вшестером стали бить ногами. Отжимавшиеся остановились и с ужасом стали смотреть на происходящее. Но никто за парня не вступился, включая меня.

– Чего остановились?! – выкрикнул сержант. – Был приказ прекратить отжимания? Продолжаем отжиматься.

Когда парня прекратили избивать, он остался лежать на полу, только хрипел. Все его лицо превратилось в огромный синяк. С подобным я еще не сталкивался. Это была не школьная драка, где все дерутся вполсилы и всегда можно позвать учителя. Здесь всё было до боли серьезно.

– Ещё желающие бунтовать есть? – с наездом спросил сержант. Он посмотрел на тех, кто еще стоял и сказал: – Вы сегодня, бл*дь, все окажетесь на полу. Либо вы, с*ка, сами ляжете и начнете отжиматься, либо мы вас положим, так же, как этого борзого. Что выбираете?

После этого все стоявшие ребята послушно опустили и начали отжиматься вместе с остальными. Я не стал исключением. Никому не хотелось стать куском отбивного мяса. Чуть позже довольный сержант остановил нас и сказал:

– А теперь все встали на один кулак!

Мы послушно встали в позицию для отжимания на одном кулаке и стали ждать, что будет дальше. Желających сопротивляться больше не было.

– Кто дольше всех простоит, тот сегодня не получит пизд*лей! Стоим!

И мы стояли. Сначала это казалось несложным – просто стоишь, опираясь на один кулак. Да, это было неудобно и неприятно. Чувствовалось, как грубый бетонный пол казармы больно впивается в кожу на кулаке. Но терпеть можно. Я думал, что упражнение быстро закончится. Но оно продолжалось. В то время, как мы стояли, между нами ходили старослужащие и грубо поправляли тех, кто стоял неправильно, сопровождая это словами типа: «Ты чё, с*ка, жопу отключил?! Стой нормально!» – и ударами ног.

В какой-то момент я стал ощущать, что силы меня покидают, стоять я уже не могу. Но я продолжал держаться. И тут я увидел, как парень рядом соскользнул и рухнул на пол. К нему тут же подбежали трое старослужащих и начали бить ногами. После этого сержант приказал ему стоять на двух кулаках и ждать всех остальных. Мы продолжали стоять, но через некоторое время один за другим ребята стали падать. Я пытался держаться как можно дольше, – конечно, не хотелось быть избитым. С каждой минутой в голове усиливался голос, повторяющий: «Я больше не могу! Нет сил держаться! Хватит!». Мне стало настолько плохо и больно, что я не выдержал и упал. Мне тоже досталось несколько ударов ногами, но я был настолько измотан, что практически их не почувствовал. Потом я стоял уже на двух кулаках, дожидаясь всех остальных. Голова гудела, кулаки ныли, и хотелось только одного – исчезнуть из этого жуткого места. Но исчезнуть не удалось.

В итоге дольше всех продержался парень, которого, кажется, звали Валера. Он был худым и жилистым и совершенно не походил на спортсмена. Но он продержался почти час и не получил «пизд*лей». После этого сержант произнес очередную речь, ни одного слова из которой я не понял из-за гула в голове и безумной усталости. Суть выступления, кажется, заключалась в том, чтобы ещё раз показать, что он здесь главный и всё будет так, как он скажет. За этим последовал отбой. Я лежал на кровати и всю ночь не мог заснуть. Поймал себя на мысли, что я дурак, увлекся какими-то глупыми играми, зачем-то поехал в это идиотское путешествие. Я осознавал, что готов на всё, лишь бы спастись отсюда, лишь бы как-то сбежать. Чувство боли и обиды не покидали меня, а из глаз совершенно неконтролируемо лились слезы. По нескольким всхлипам с разных сторон я понял, что такой не один.

Про себя я непрестанно повторял: «Я больше не хочу играть». Мне казалось, что игра зашла слишком далеко; я хотел выключить ее, прекратить всё происходящее; открыть глаза и снова оказаться в своей кровати в московской квартире рядом с любящей мамой. Да, мне нравилось играть в жизнь, но только по своим правилам, только пока это было безопасно и доставляло удовольствие и только тогда, когда я в любой момент мог прекратить происходящее. Но сейчас я не был готов продолжать играть, мне уже не хотелось «интересного опыта и веселой байки», я хотел сбежать из этого жуткого места, даже если ради этого придется отказаться от любой игры вообще.

На следующий день у меня появилась возможность обратиться к одному из офицеров – капитану Сидоргину. Я попросил его о звонке родным. Капитан пытался от меня отделаться, но я не сдавался, требовал, чтобы позвали начальство, просил дать мне позвонить. Говорил, что мои родные сейчас в шести тысячах километров от меня и совершенно не представляют, где я и что со мной. Я убеждал, что мне нужно просто сказать, что я жив и со мной все в порядке. Я давил на жалость, говорил о любви к маме, а сам хотел только одного – выбраться из этого ада любой ценой. Капитан задумался и в итоге разрешил позвонить с телефона в

кабинете под его присмотром. Я набрал номер маминого мобильного, который повторял про себя всю ночь, боясь забыть. Каждый гудок звучал как удар по сердцу, я боялся, что если она не возьмет трубку, – я пропал. Но вдруг гудки прекратились, и в трубке раздался такой знакомый и родной голос:

– Алло.

Я никогда не был так счастлив от звуков маминого голоса, как в этот раз. Мгновенно выдохнул, испытал по-настоящему физическое облегчение, и произнес в трубку:

– Алло, да, мама, привет! – я старался говорить спокойно, чтобы не смутить капитана, внимательно слушающего разговор и вглядывающегося в мое лицо.

– Костя, ты где? Я уже второй день не могу до тебя дозвониться. Ни до тебя, ни до Славы. С тобой всё нормально?

– Меня тут в армию забрали.

– Что?! Кто забрал? Ты где? Я приеду!

Я назвал ей номер воинской части в Иркутске, и в конце разговора, глядя во внимательные глаза капитана, судорожно произнес:

– Спаси меня отсюда!

Капитан злобно скрипнул зубами и оборвал связь, нажав на кнопку. Конечно, мне досталось и от капитана, и от сержанта, и от старослужащих, которым капитан рассказал, как я умолял маму спасти его из армии. Меня били, оскорбляли, заставили отжиматься и чистить унитаз зубной щеткой. Но где-то в глубине души у меня маячила надежда на то, что мама что-то сделает для того, чтобы спасти меня, что этот ад когда-нибудь закончится.

И он действительно вскоре закончился. Через три дня мама прилетела. За это время я познал всю бессмысленность и беспощадность отечественной армии. Наша «служба» была полна тяжких физических нагрузок, которые убивали тело, но главное – глупости и бессмысленности, которые убивали мозг. К примеру, посреди казармы на полу была прочерчена линия, через которую нельзя было переступать, её нужно было обходить. Почему? Для чего? В чём смысл? Ответа не было, а особо любопытные достаивались тумачков от сержанта. Нас заставляли выкапывать первые полдня огромную яму, а оставшиеся полдня закапывать её обратно. Всё это было нацелено только на одно – лишить воли, сделать так, чтобы мы не думали, не задавали вопросов и выполняли любой приказ. Наверное, на войне это полезно – мгновенно падать на землю, когда звучит команда: «Вспышка справа!» – и не оглядываться вокруг, спрашивая: «А что там случилось?» Но мы были не на войне, и вряд ли на ней когда-нибудь окажемся.

Бессмысленность происходящего угнетала, я не знал, что бы со мной стало, если бы в один прекрасный день в казарму не зашел капитан Сидоргин. Он выкрикнул мою фамилию и сказал: «С вещами на выход!» Вначале я даже не понял, что произошло. Видимо, я так привык к происходящей бессмыслице, что по инерции подчинился, собрал вещи и пошел за капитаном. Он проводил меня в кабинет, дверь раскрылась, и я увидел маму. Она выглядела совсем не как обычно. Сейчас она была похожа не на веселую, всегда изящно одетую и общительную даму, а на настоящего бойца: скромная одежда, смелый, властный и сосредоточенный взгляд, лицо, не выражающее никаких эмоций. Такой я её ещё не видел.

При взгляде на меня на мамином лице всё же проявилась вся гамма эмоций, но я увидел, как мама усилием воли сдержала себя и просто велела мне сесть рядом. Дальше последовал её разговор с капитаном. Я не знал, с кем она договаривалась и сколько это стоило, но догадывался, что сил, денег и связей понадобилось много. Она потом рассказала, что вышла на каких-то знакомых в Минобороны, через которых удалось быстро решить вопрос. Ангела организовала так, что у меня в медицинской карточке оказалось какое-то психическое отклонение, которое не позволяет служить в армии. Меня требовалось срочно отпра-

вить на какое-то новое обследование в Москву. И распоряжение об этом поступило непосредственно в часть к капитану. Но тот не спешил сдаваться:

– Поймите, к сожалению, я никак не могу сделать то, о чём Вы говорите, – объяснял капитан, постукивая ручкой по столу.

– Почему же не можете? – мама смотрела на него непроницаемым взглядом. В её голосе чувствовался металл. – Вот здесь все необходимые документы. Вам же позвонили из Москвы сегодня.

– Анжела Викторовна, я всё понимаю, но у нас здесь свой порядок, который должен быть соблюден. С документами у Вас всё хорошо, приказ из Москвы поступил. Но всё должно делаться по процедуре. Мы в течение недели специальным армейским эшелоном отправим Вашего сына в Москву, там его разместят в части и затем отправят на лечение. Я не могу просто так отдать его Вам. Тут же нужно всё оформить документально, со справками. А у меня времени на это нет. Вы представляете, за скольких солдат я отвечаю? И это с нашей минимальной офицерской зарплатой.

Мама продолжала разговор и в какой-то момент сменила тон с жесткого и властного на мягкий и понимающий:

– Александр Георгиевич, я понимаю, какая у Вас сложная работа, сколько на Вас ответственности и какое множество бумаг Вам нужно обработать. Я со своей стороны хотела бы облегчить Вашу работу, как-то помочь...

С этими словами она достала из сумки заранее заготовленный пухлый конверт и положила его на край стола, продолжая разговаривать. Я внимательно следил за лицом капитана: при виде конверта его глаза заблестели. Вдруг он повернул голову и посмотрел на меня, я стремительно опустил голову и вперился глазами в пол. Не хотелось смутить его, чтобы он передумал.

– Да, да. Рад, что Вы меня понимаете, Анжела Викторовна.

Я краем глаза увидел, как капитан взял конверт, протасил его через стол и бросил в открытый ящик.

– Что же. С документами всё будет в порядке, мы всё оформим, не волнуйтесь. Можете забирать сына. Только ему нужно будет кое-где расписаться.

После этих слов я беззвучно выдохнул. Казалось, целая гора свалилась с плеч; я почувствовал себя на пороге свободы. Но мне не хотелось спугнуть удачу, поэтому, оставаясь на территории части, я, молча, покорно и послушно делал всё, что мне говорили. Я расписывался, мне возвращали вещи. Оказалось, что мой мобильный телефон и деньги, которые были при мне в момент задержания, куда-то пропали. Капитан поднял целую бучу, пытаясь их разыскать и найти виновных, но мама поняла, что это может занять много времени, и сказала, что нам больше ничего не нужно.

Мы вышли за ворота части, и в один момент оба, не сговариваясь, просто бросились друг к другу в объятия и заплакали. Я плакал от счастья. Раньше я просто не мог представить, насколько счастливым можно чувствовать себя просто от того, что ты принадлежишь себе, а твое тело и твои мысли принадлежат только тебе. Мама тоже плакала, потому что так сильно переживала за меня и одновременно так долго держала себя в серьезном и безэмоциональном состоянии, что, наконец, не выдержала. Так мы и простояли некоторое время, обнимаясь и всхлипывая. Нас отвлекли крики и смех из-за забора части. Я посмотрел в ту сторону. Над забором торчало несколько голов моих сослуживцев, как старослужащих, так и тех, с кем меня забрали. Они смеялись и кричали, что я маменькин сынок, что меня спасла мамочка, и сопровождали всё обильным матом.

– Не слушай их, пошли, – мама приобняла меня, и так мы отправились в противоположную от части сторону.

Я не обижался и не смущался. В эти минуты я действительно чувствовал себя маленьким беззащитным мальчиком, который хочет укрыться в теплых, комфортных и безопасных материнских объятиях, спрятаться в них от жестокого мира. Первым делом мама завела меня в какое-то местное кафе, решив, что я ужасно голодный и меня нужно покормить. Пережитый стресс отбил аппетит, но я делал всё, что говорила мама. Во мне как будто бы исчезла вся обычная дерзость и желчность, желание поспорить и оставить за собой последнее слово. Я был покорен, как ягнёнок. Сначала мы просто молча сидели за столом, взявшись за руки и ожидая, когда нам принесут заказ. Но потом сознание прояснилось, и я вспомнил про Славу:

– Мама, а что со Славой? Где он? Когда мы его вытащим?

– Слава уже не здесь. Его отправили в другой регион. Я связалась со Славиной матерью, мы вместе выяснили, в какой он части. Но она сказала, что вытаскивать его не собирается. Она надеется, что сыну в армии голову на место поставят. И я, если честно, с ней согласна. Он всегда был какой-то бедовый. И ты, после того как с ним связался, тоже начал свою жизнь разваливать. Для всех, в том числе и для Славы, будет лучше, если он отслужит свое в армии.

– Но он же мой лучший друг. Он бы мне помог выбраться. Мы что, просто бросим его?

– Он сам всё это устроил. Каждый человек должен отвечать за свои поступки. Он не поступил в вуз; сам поехал и тебя потащил в это безумное путешествие. Вот теперь пусть отвечает. Ничего страшного, все служили и многим это пошло только на пользу.

– На пользу?! Ты представляешь, какой там ад творится? Меня бы там просто убили, если бы ты не приехала.

– Да, тебе повезло, потому что ты попал сюда по ошибке и по глупости. Поэтому у тебя есть второй шанс. Сейчас я тебе скажу, как всё будет происходить дальше. А ты меня выслушаешь и сделаешь всё, как я говорю, если не хочешь снова вернуться в армию. Понятно?

Я сдался и послушно кивнул. Мне, конечно, хотелось помочь другу, выступить в роли героя и спасителя. Но я прекрасно понимал, что мне не хватило ни сил, ни ума для того, чтобы обезопасить или спасти самого себя. И какой толк тогда во всех этих героических мечтах и речах, полных глупого пафоса? Я почувствовал, как вся моя уверенность в себе просто утекла. Вспомнил ситуацию на Ольхоне, когда Слава вдруг поплыл до островка, и я бросился вслед за ним, а потом испугался и развернулся. Тогда мне просто захотелось жить, и я повернул назад. Сейчас я ощущал себя примерно так же.

– Мы вернемся в Москву. Там я уже договорилась о том, что ты на месяц ляжешь на обследование в психиатрическую лечебницу, – увидев моё лицо, перекосившееся от услышанного, мама разъяснила: – Ты не будешь лежать с настоящими психами. Там есть отделение, в котором в основном лежат такие же, как ты: кто-то косит от армии, есть, возможно, несколько алкоголиков. Ничего страшного. Так вот, тебя там обследуют, поставят диагноз, который освобождает от военной службы. Мы оформляем все документы с военкоматом. Потом, я уже договорилась, дело уничтожат, чтобы эта информация не портила тебе жизнь в будущем. Далее, я уже всё организовала, ты поступишь на философский факультет РГГУ. У меня там нашлись знакомые. Ты любил в последнее время поспорить, пофилософствовать – вот и будешь этим заниматься. Ты понял меня?

Я снова послушно кивнул. Я был готов на всё, что угодно, лишь бы не возвращаться в армию. Казалось, что где-то внутри меня надломился внутренний стержень, опираясь на который, я раньше принимал решения, видел, что хорошо, а что плохо. Я чувствовал себя какой-то расплывшейся желеобразной массой. Мне хотелось только одного – быть в тепле, комфорте и безопасности. И ради этого я готов был практически на всё. Даже перестать играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.